АНИ ЕГАНЯН

МЫ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ В РАЗНЫЕ ДНИ

Ани Еганян

Мы были счастливы в разные дни

«Автор»
2026

Еганян А.

Мы были счастливы в разные дни / А. Еганян — «Автор», 2026

Анна и Михаил прожили вместе сорок лет. Теперь они делят посуду, снимают со стен фотографии и решают, кому достанутся вещи, которые когда-то выбирали вдвоём.В старой зелёной коробке лежат письма и рисунки. Каждый лист возвращает их в прошлое: к первой встрече, рождению дочери, несбывшимся надеждам. Постепенно в общих воспоминаниях обнаруживаются две разные жизни. День, который один считал счастливым, для другого мог стать началом долгого одиночества.Анна помнит, как ждала. Михаил — как старался. Их взрослая дочь помнит то, чего оба предпочли бы не замечать.Среди знакомых вещей возникают вопросы, которые страшно задать человеку, прожившему рядом целую жизнь. Что ты любил? Чего боялся? И кем был, пока я думал, что знаю тебя?«Мы были счастливы в разные дни» — роман о близости и времени, которое невозможно вернуть. О людях, годами надеявшихся, что самое важное можно будет сказать потом.

© Еганян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 Анна 6
2 Михаил 7
3 Анна 8
4 Михаил 9
5 Анна 10
6 Михаил 11
7 Анна 12
8 Михаил 13
9 Анна 14
10 Михаил 15
11 Анна 16
12 Михаил 17
13 Анна 18
14 Михаил 19
15 Анна 20
16 Михаил 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ани Еганян
Мы были счастливы в разные дни

Ани Еганян
Мы были счастливы

в разные дни
Роман
2026

1 Анна

28 октября 2026 года

Сервиз делили при включённом телевизоре. На экране женщина в красном пиджаке рассказывала, как правильно хранить зимние яблоки. Анна прислушалась: оказывается, каждое нужно завернуть в бумагу. Сорок лет она складывала их в нижний ящик холодильника и считала, что этого достаточно.

— Маленькие тарелки тебе? — спросил Михаил.

Он стоял на коленях перед сервантом. Сверху, где прежде лежали праздничная скатерть и гарантийные талоны на давно выброшенные приборы, была пыль. Анна хотела дать ему тряпку. Уже повернулась к кухне, потом остановилась.

— Зачем мне двенадцать?

— Шесть тебе. Шесть мне.

Она никогда не думала о них как о двенадцати отдельных предметах. Были тарелки на случай гостей. Гости приходили всё реже, но возможность их прихода продолжала занимать целую полку.

Михаил вынул блюдо с синей веткой. Под большим пальцем у него обнаружилась трещинка. Он провёл по ней ногтем.

— Это ещё с Веркиной свадьбы.

— Раньше. Ты на Новый год уронил ложку.

— Ложкой такое не сделаешь.

Анна почувствовала знакомое утомление. Предстояло ещё объяснять, что сделаешь, что она тогда стояла у раковины, что он пил чай прямо из блюдца и смеялся. Не из-за трещины развелись, конечно. Но в таких разговорах ей приходилось каждый раз заново предъявлять свидетельство собственного присутствия.

— Забирай, — сказала она.

— Так оно тебе нравится.

Он произнёс это без укора. Даже бережно. И от этой бережности ей захотелось плакать сильнее, чем в сентябре, когда она сказала за ужином: «Я больше не хочу так жить».

По телевизору советовали не держать яблоки рядом с картофелем.

Два дня назад они получили документы о разводе. Квартиру уже выставили на продажу. Молодая женщина, которая приходила фотографировать комнаты, попросила убрать личные вещи. Анна убрала со стены Верин выпускной снимок и осталась с ним в руках, не понимая, какая вещь в квартире может считаться недостаточно личной.

— Миш, выключи.

Он нажал кнопку пульта. В наступившей тишине зашумел холодильник.

— Мы можем это потом, — сказал он.

Это было их самое употребительное слово. Потом они поедут на север, где Анна ни разу не была. Потом он достанет гитару. Потом купят удобные кресла. Потом поговорят, отчего она плачет в ванной. Потом Вера вырастет и станет легче.

Вера выросла. Скоро ей исполнялось тридцать восемь.

Анна села на пол рядом с коробкой. Колени согнулись плохо, пришлось опереться о плечо Михаила. Он привычно подставил его, не поворачивая головы.

— Давай сегодня, — сказала она.

Он положил между ними блюдо. Синяя ветка разделилась на две части, когда по ней прошла тень от его руки.

2 Михаил

28 октября 2026 года

Михаил считал тарелки, чтобы не смотреть на её ноги. Анна сидела на полу в старых шерстяных носках. На правом большом пальце шерсть протёрлась. Он знал, где лежат новые, подаренные Верой, но сказать об этом теперь было бы странно. Разведённые люди, вероятно, не должны следить за чужими носками.

Он не знал, что им следует делать. Никто из знакомых не разводился в шестьдесят. Некоторые жили по разным комнатам, некоторые переставали разговаривать. Один Николай из соседнего подъезда каждое лето уезжал на дачу и возвращался в ноябре, когда замерзал водопровод. Но чтобы вот так, с риелтором, коробками и вопросом, кому достанется дуршлаг, — такого примера у Михаила не было.

Он обиделся на Анну не за развод. За то, что она уже многое успела обдумать. Нашла квартиру в старом доме возле парка, прикинула расходы. Пока он ещё пытался понять, что именно она сказала, её новая жизнь уже обзавелась окнами на восток.

В его квартире окна выходили во двор. Он выбрал первый подходящий вариант. Риелтор спросила, не смущает ли маленькая кухня. Он ответил, что ему нормально. Дома подумал: а откуда ему знать? Он никогда не ел на кухне один дольше недели.

Блюдо треснуло в тот Новый год. Анна была права. Только не ложкой. Он поставил на него горячую кастрюлю, чтобы не искать подставку. А она сказала гостям, что сама не доглядела. Сейчас он вспомнил даже свои слова: «Ничего с ним не случится».

За тридцать с лишним лет можно было сказать, что ошибся.

— Это я кастрюлю поставил, — произнёс он.

Анна подняла голову.

— Что?

— На блюдо. Это было на Новый год. Ты права.

Она посмотрела на синюю ветку и кивнула. Никакого облегчения на её лице не появилось. Михаил испытал почти детское разочарование. Признание оказалось слишком маленьким. Он принёс его, словно монету к долгу, размер которого ещё не понимал.

— Оставим Вере? — предложил он.

— У неё посуды хватает.

Он вспомнил молодую Веру в день её свадьбы. Она держала поднос с бокалами и говорила: «Пап, мы сами, не надо». Он всё равно подошёл помочь, задел стул. Один бокал упал. Всю дорогу домой Анна молчала. Тогда он считал, что она сердится из-за бокала.

— Я думал, мы нормально жили, — сказал он.

Анна не ответила сразу. Провела ладонью по ковру, собрала две нитки. Прежде чем выбросить, скатала их в маленький шарик.

— Я тоже так думала. Иногда.

— Когда?

Она открыла рот и закрыла. Он видел, что вопрос почему-то оказался трудным. Тогда Михаил впервые испугался, что за одним столом они могли праздновать разные вещи.

Он выдвинул нижний ящик серванта. Там лежали фотографии, старые квитанции и зелёная коробка из-под туфель. На крышке Аннiным почерком было написано: «Наше».

Михаил поставил коробку между ними. Анна перестала собирать нитки.

3 Анна

17 апреля 1985 года

В библиотеке пахло мокрыми пальто. Утром лопнула труба, воду собрали ведрами, а книги с нижних полок разложили на столах. Анна должна была просушивать их промокательной бумагой. Это была её третья неделя на работе.

Она окончила художественное училище год назад. Директор библиотеки обещала со временем поручить ей оформление выставок, но пока Анна расставляла формуляры, рисовала объявления и училась отличать книги, которые действительно читали, от книг, которые брали для спокойствия учителей.

Молодой электрик пришёл чинить настольную лампу. У него были влажные волосы и пустой рукав рабочей куртки, засунутый в карман: второй рукой он нёс ящик. Анна подумала, что он однорукий, и слишком поспешно взяла у него инструмент.

— Спасибо, — сказал он, вытаскивая совершенно обычную руку. — Я бы и так донёс, но приятно.

Она покраснела.

Пока он разбирал лампу, Анна сушила книгу с репродукциями. На странице лежала женская рука с тонкими пальцами. Бумага вздулась у запястья, словно и у нарисованной женщины начался отёк.

— Это вы рисовали? — спросил электрик, кивнув на её блокнот.

— Нет, это Рембрандт.

Он посмотрел на репродукцию, потом на блокнот.

— Я про чашку.

Она рисовала обыкновенную чашку, стоявшую возле его локтя. На боку чашки был отбит маленький кусок. Анне хотелось понять, как нарисовать белую выщербину на белой поверхности, не обводя её.

— Это я.

— Здорово. Как будто сейчас задену и прольётся.

До этого её работы оценивали словами «композиционно», «несмело», «переходы». Электрик просто убрал руку от нарисованной чашки. Анна рассмеялась.

Он чинил лампу долго. Дважды уходил к себе в мастерскую и приносил детали. В конце лампа загорелась тёплым светом. Анна подставила под него ладонь, проверяя цвет кожи.

— Теперь можно до ночи, — сказал он.

— Мне бы место у окна.

— Для рисования?

Она кивнула. Он посмотрел на тесную комнату так внимательно, будто действительно мог что-то переставить.

Его звали Миша. Когда он уходил, Анна спросила, сколько с неё. Он ответил: «С библиотеки. Вы-то при чём?» И впервые за долгое время чужая мужская доброта ничего от неё не потребовала.

Вечером она нарисовала его руки. Лица не помнила достаточно хорошо. Пальцы получились: широкие, с чёрной полоской под ногтем большого. Она поставила дату и спрятала рисунок в зелёную коробку из-под новых туфель.

4 Михаил

17 апреля 1985 года

В лампе всего лишь отошёл контакт, на это ушло бы минут десять.

Михаил дважды выходил из библиотеки, потому что не знал, о чём говорить с девушкой, которая могла нарисовать чашку убедительнее, чем он — написать свою фамилию. Первый раз постоял под навесом. Второй сходил в магазин за сигаретами, хотя курить при ней не собирался. Возвращаясь, ощупывал в кармане ненужную отвёртку.

С девушками он разговаривал легко, если не хотел им понравиться. С этой сразу стало трудно. Она смотрела без оценки. Он привык различать в женском взгляде расчёт: возраст, квартира, выпивка, женат ли. Анна посмотрела на его мокрую куртку и принесла полотенце.

Он окончил техникум и работал в мастерской при городском хозяйстве. Чинил всё, что приносили: от школьных проекторов до проигрывателей. Больше всего любил звук. Дома стоял собранный им усилитель, и по вечерам он слушал пластинки так тихо, чтобы мать не начала рассказывать про отца.

Отец тоже любил музыку. В двадцать девять лет ушёл с баяном и двумя рубашками, оставив матери долги и уверенность, что всякое увлечение — начало бегства. Михаил давно отделил себя от отца в одном: он останется. Ещё не знал с кем, но уже знал это о себе.

Анна сказала, что ей нужно место у окна. Он оглядел комнату, измерил глазами расстояние между шкафом и подоконником. Стол поместился бы, если убрать картотеку. Ему хотелось сделать для неё что-нибудь немедленное, ясное, посильное.

Она могла бы спросить его, зачем он третий раз проверяет провод. Он заранее придумал ответ про изоляцию. Она не спросила.

Когда он уже надевал куртку, из соседней комнаты вышла заведующая и попросила захватить на ремонт магнитофон. Михаил согласился слишком охотно. Теперь была причина вернуться.

— Я через неделю принесу, — сказал он Анне.

— Я здесь каждый день.

Дома он выложил на стол сигареты и подумал о её рисунке. Ему показалось, что чашку она нарисовала печальную. Он сам не умел объяснить это слово применительно к посуде. Потрескавшийся край был похож на улыбку человека, который старается не мешать.

Мать принесла ужин и спросила, почему он улыбается.

— Просто день хороший.

— Смотри, не влипни.

Он хотел возразить, но мать уже ушла. Тогда Михаил достал из шкафа усилитель, присоединил колонку и поставил пластинку. Он делал громкость всё выше, пока из кухни не крикнули. Убавив звук, он несколько минут сидел с рукой на регуляторе.

В библиотеку он вернулся через три дня. Магнитофон ему ещё предстояло открыть.

5 Анна

14 июня 1986 года

Свадебное платье жало под мышками. Его шила мамина знакомая, которая каждый раз обещала выпустить шов, но на последней примерке сказала: «Невеста должна потерпеть». Анна подумала, что платье рассчитано на женщину, умеющую стоять неподвижно.

На фотографии у загса её рука лежала на рукаве Михаила. Она всё время боялась вытереть о него ладонь: было жарко. Михаил незаметно подкладывал под её пальцы носовой платок. Из-за этого она начинала смеяться именно тогда, когда фотограф просил серьёзное лицо.

За столом говорили, чтобы жили дружно, слушались старших и не откладывали детей. Ей был двадцать один год, и все эти советы казались адресованными другой, взрослой женщине, которая скоро вселится в её тело и сразу разберётся, как жить.

Мама подарила утюг. Хороший, тяжёлый. Пока гости ели, Анна разглядывала на коробке женщину в белой блузке. Та с неправдоподобным удовольствием гладила мужскую рубашку.

— Ты чего? — спросил Михаил.

— Ничего.

— Устала?

Она не умела объяснить. Ей хотелось свадебного подарка, предназначенного только ей. Большой коробки красок, например. Или маленького этюдника, который можно носить на плече. Утюг был нужным. Она понимала это даже в день свадьбы и потому стыдилась своего разочарования.

После гостей они вышли во двор. Михаил снял пиджак и повесил на её плечи. Она смогла наконец отвести руки от тела.

— Давай никогда не будем жить, как будто всё уже понятно, — сказала она.

— В смысле?

— Ну, что я люблю. Что ты хочешь. Будем спрашивать.

Он поцеловал её в висок.

— Давай.

Ей понравилось, как легко он согласился. Внутри дома кто-то искал жениха. Михаил не отозвался. Они постояли ещё минуту возле тёплой стены.

Поздно ночью он помог расстегнуть платье. Там, где ткань врезалась под мышками, остались красные полосы. Михаил осторожно коснулся их губами. Анна вдруг заплакала. Он испугался, начал спрашивать, что не так. Она отвечала: «Всё так». И действительно не могла придумать, чего ей недостаёт в эту минуту.

Утюг они распаковали через неделю. Коробку Анна оставила для бумаг. На свадьбе им подарили столько полезных вещей, что свадебный день ещё долго хранился в доме по частям.

6 Михаил

14 июня 1986 года

Перед свадьбой мать позвала Михаила на кухню и пересчитала деньги. Она выложила купюры на клеёнку, пригладила ладонью.

— На первый взнос. Пока у её матери поживёте, потом своё будет.

Он не взял.

— Мы сами.

Мать убрала деньги быстро, как будто он мог передумать.

— Главное, не ходи потом с протянутой рукой.

В загсе Михаил всё время проверял карман с кольцами. Даже когда кольцо уже было на Анне, рука продолжала двигаться к карману. Ему казалось невероятным, что теперь ему разрешено быть рядом с ней без повода.

Он видел, как она смотрела на утюг. Мать Анны тоже заметила и поспешно сказала, что у самой такого нет. Михаилу стало жаль обеих. Он подумал, что купит жене что-нибудь красивое, как только снова будут деньги. Перед свадьбой он потратил почти всё на стол и кольца. Ещё были карандаши, которые продавались в деревянной коробке в магазине для художников. Он заходил туда два раза, но так и не понял, какие нужны. Боялся купить плохие и обнаружить, что не способен отличить хорошее от плохого в самом важном для неё деле.

Поэтому подарка не было.

Когда они стояли во дворе и Анна предложила всё время спрашивать друг друга, Михаил решил, что это про согласование расходов, поездок, гостей. Ему нравилось, что они будут договариваться. У матери с отцом договорённостей не существовало: отец обещал, мать проверяла, оба кричали.

Он был уверен, что главное уже умеет. Не уходить, не врать про деньги, не поднимать руку. Остальному научится.

Ночью Анна заплакала. Он стал перебирать возможные причины: платье, усталость, его неловкость. Спросил, больно ли. Она покачала головой. Тогда он просто лёг рядом, осторожно придерживая её за плечо.

Он ещё не знал, что счастливые слёзы тоже требуют вопроса. Иногда в них есть всё сразу: радость, страх, прощание с собой прежней. Он решил, что справился, потому что она уснула.

Под утро Михаил пошёл за водой. В темноте у двери споткнулся о свадебные туфли Анны. Поднял их, поставил носками в одну сторону, как привыкла делать его мать. Одна туфля была изнутри испачкана кровью: натёрла пятку.

Он нашёл пластырь и положил на стул рядом с платьем. Потом долго стоял над спящей женой. Столько счастья требовало действий, а он умел пока только чинить и приносить нужное.

На следующий день Анна сказала, что пластырь оказался кстати. Михаил запомнил это как начало хорошего брака.

7 Анна

31 декабря 1987 года

У матери Михаила на ёлке висели стеклянные огурцы. Анна раньше таких не видела и долго рассматривала один, стараясь не задеть соседнюю игрушку. Зоя Павловна сказала, что их больше не выпускают, а потом попросила её нарезать хлеб.

В кухне едва помещались двое. Хозяйка стояла у плиты, Анне достался край стола. Она нарезала хлеб так, как дома: поперёк, толстыми ломтями. Свекровь молча взяла нож и показала, как нужно. Анна улыбнулась. Ей не хотелось портить вечер из-за хлеба.

Потом оказалось, что огурцы для салата надо было очистить. И что она слишком рано открыла шпроты. Всё это говорилось спокойно, с настоящим желанием помочь молодой женщине стать хорошей хозяйкой. Анна не могла придумать ответ, который не выглядел бы грубостью.

Михаил в комнате возился с ёлочной гирляндой. Она дважды заходила туда с тарелками, надеясь, что он заметит её лицо. Он спрашивал, скоро ли ужин.

За столом свекровь сказала:

— Миша у меня к борщу привык. Его бутербродами не накормишь.

— Я варю, — ответила Анна.

— Я же ничего. Просто говорю.

Михаил положил матери салат. Анна ждала от него короткого слова: «Мам». Одного было бы довольно. Он попросил передать соль.

После полуночи они вышли на улицу. Снег выпал ещё днём и теперь лежал серым у дороги. Анна засунула руки в карманы пальто.

— Твоя мама меня не любит.

— Она ни про кого плохо не сказала.

— Миш, мне там тесно.

— Так кухня маленькая.

Она остановилась. Он прошёл ещё два шага и обернулся. На нём была смешная бумажная корона, которую он забыл снять после игры за столом.

Анне вдруг стало страшно. Если сейчас он скажет ещё что-нибудь про метры кухни, она пойдёт к своей матери. Завтра можно будет забрать вещи. У неё было мало вещей. Два года совместной жизни складывались в один чемодан, если не считать книги.

— Я не про кухню, — сказала она.

Он подошёл, снял корону и смял её.

— Ань, давай дома. Замёрзнем.

Они жили в комнате у её матери. Весь путь Анна представляла, как входит одна. Как мама сначала пугается, потом приносит чай. Как надо будет объяснять всем, почему ушла от хорошего мужа.

Дома Михаил поставил чайник, разрезал пополам оставшийся мандарин. Каждую половинку очистил отдельно, как делал всегда. Положил ей на блюдце.

Анна съела мандарин. Потом они легли спать. Утром ей казалось, что ночное решение было вызвано усталостью.

8 Михаил

31 декабря 1987 года

Он собирался поговорить с матерью ещё до прихода Анны. Думал об этом по дороге, пока нёс в сумке торт. Нужно было сказать: хватит её поправлять. Она не на экзамене.

В кухне мать встретила его в праздничной блузке. Блузка была старая, с новой пуговицей у горла. На столе стояли три салата, хотя гостей ожидалось пятеро.

— Красиво у тебя, — сказал Михаил.

Она провела ладонью по волосам.

— Сама же для себя не станешь готовить.

И разговор отложился.

С тех пор как он женился, мать перестала покупать хлеб целыми буханками. Михаил замечал такие вещи и чувствовал себя виноватым. Анна умела смеяться в заполненном автобусе, засыпала с раскрытой книгой, могла весь день прожить на яблоках и чае. Мать была без него неподвижна. Он говорил себе, что Анна сильнее и потому может немного уступить.

Когда жена вошла в комнату с тарелками, он увидел, как она сжала губы. Встал, хотел пойти на кухню. Но она уже вернулась туда. Он остался с гирляндой, словно сама короткая задержка разрешала больше ничего не предпринимать.

За столом мать заговорила про борщ. Михаилу стало стыдно. Он потянулся за салатницей, чтобы заглушить неловкость звоном ложки. Если бы он попросил мать остановиться, жена поняла бы, что действительно есть повод обижаться. Ему казалось: пока он ведёт себя обычно, вечер ещё можно спасти.

Позднее он будет много раз вспоминать этот ход мысли и не находить в нём той доброты, которую тогда себе приписывал.

На улице Анна сказала, что ей тесно. Он прекрасно понял. Ответил про кухню, надеясь, что она улыбнётся. Она не улыбнулась.

Лицо у неё было такое, будто она уходила. Физически стояла рядом, но уже проверяла, сможет ли без него. Михаил вдруг отчётливо увидел пустую комнату, куда придётся вернуться одному.

— Давай дома, — попросил он.

За этим должно было последовать: «Я поговорю с ней. Прости, что оставил тебя одну». Пока они шли, он даже произносил эти слова про себя. Но возле дома появилась надежда, что всё уляжется. Они вошли, сняли мокрые ботинки. Анна повесила его шарф рядом со своим. Значит, ещё не ушла.

Он разделил мандарин. Ему хотелось занять руки. Она взяла блюдце, съела дольку. Он почувствовал благодарность, которую принял за примирение.

Через несколько дней Михаил всё же позвонил матери. Сказал, что Анна хорошо готовит и вообще умеет вести дом. Мать ответила: «Кто же спорит?» Ему стало легче.

За жену он вступился так, что она ничего об этом не узнала. И лишь через много лет понял, насколько удобной была эта храбрость.

9 Анна

3 ноября 1988 года

Веру принесли после обеда. До этого Анна видела её несколько секунд — мокрую, недовольную, с удивительно серьёзным ртом. Теперь дочь была завёрнута так плотно, что напоминала маленькое полено. Из свёртка выглядывало лицо.

Анна долго не решалась поднять её. Соседка по палате сказала: «Свою-то чего боишься?» Соседка родила третьего и обращалась с ним спокойно, одной рукой поправляя рубашку.

Анна положила дочь рядом на кровать. Вера открыла глаза. Посмотрела мимо неё, сквозь что-то невидимое. Анна ждала чувства, о котором ей рассказывали. Огромной любви, которая должна была накрыть сразу, превратив всё пережитое в незначительное предисловие.

Она чувствовала боль, жажду и ужас, что теперь не сможет ни на минуту перестать отвечать за это лицо.

Михаил стоял под окном. Ему сообщили, в какой палате она лежит. Он размахивал обеими руками. Анна приподняла Веру, хотя знала, что с такого расстояния он ничего не разглядит.

— Люблю! — крикнул он.

Она не поняла, ей он кричит или ребёнку. Кивнула, прижав свёрток к груди.

Позднее принесли передачу. Среди яблок и полотенца лежала записка: «Спасибо за дочь. Вы у меня самые лучшие». Анна перечитала её несколько раз. Хотелось быть самой лучшей. Хотелось, чтобы кто-нибудь написал: «Ты можешь пока ничего не уметь».

Вера проснулась и заплакала. Анна стала искать, что делает не так. Испугалась, что не может отличить голод от боли. Женщина с третьим ребёнком показала, как держать голову.

— Вот. Уже мама.

Анна улыбнулась, как улыбаются человеку, который поздравляет с получением должности, к которой ты ещё не приступал.

Вечером в палате выключили верхний свет. Из коридора падала узкая жёлтая полоса. Анна положила ладонь на одеяло дочери. Та вытянула руку из пелёнки и зацепилась за её палец.

Никакого внезапного знания не появилось. Но Анна осталась лежать неподвижно, чтобы не разрушить эту неловкую хватку.

Много лет спустя она назовёт тот день самым счастливым. Ей понадобится долгое время, чтобы понять: она присвоила ему счастье задним числом. В тот день родилась Вера, которую она потом полюбила больше собственной жизни. Но женщина на больничной кровати ещё не знала будущего. Та женщина была одна и очень боялась.

10 Михаил

3 ноября 1988 года

Михаил купил розы у женщины возле рынка. Девять. Деньги пересчитал трижды, но всё равно отдал больше, чем собирался. Букет был торжественный и совершенно бесполезный: в приёмном покое сказали, что цветы передавать нельзя.

Он пошёл с ними под окна. В одном из окон появилась Анна. Бледная, в чужой рубашке. Она держала свёрток так высоко, что он испугался: выронит. Замахал руками, показывая, чтобы опустила. Она улыбнулась.

У него родилась дочь. Слова не помещались в привычной жизни. Нужно было немедленно сообщить кому-нибудь ещё, иначе они могли оказаться ошибкой.

Он позвонил матери с автомата. Она заплакала. Потом позвонил товарищу Павлу, и тот пришёл к роддому с фотоаппаратом. На снимке Михаил держал розы, а за его спиной была стена с окнами, за одним из которых лежала жена.

Анну на фотографии не было видно.

Дома он переставил кроватку, проверил колёса коляски, вынул из шкафа детские вещи. Маленькая рубашка лежала у него на ладонях, как доказательство существования будущего. Он долго пытался представить тело, которому она подойдёт.

Он обещал себе, что дочь никогда не будет ждать его у окна с заплаканной матерью. Что не станет угадывать, вернётся ли он сегодня. Будет знать: папа дома, папа придёт, папа починит.

Про другие страхи он пока не думал. Про страх разочаровать, про страх мешать, про необходимость быть удобной, чтобы взрослые не ссорились. Для этих вещей у него не было отдельного названия. В его детстве они считались хорошим воспитанием.

Михаил написал записку. Сначала получилось: «Спасибо». Он добавил «за дочь», потому что без этого было слишком коротко. Потом — «вы у меня самые лучшие». Перечитал, сложил. Ему казалось, он выразил всё.

Вечером пришли Павел с женой. Они пили чай на кухне. Павел хлопал его по плечу и говорил: «Теперь держись». Михаил смеялся. Жена Павла спросила, как Анна. Он ответил: «Хорошо. Родила».

Он действительно считал эти два слова достаточным описанием её состояния.

Перед сном Михаил разложил розы на подоконнике. Они уже начали поникать. Он не нашёл большой вазы и поставил их в ведро. Утром в комнате сильно пахло цветами. Ему казалось, так пахнет новая жизнь: немного водой, немного зеленью и чем-то сладким, чему ещё предстояло раскрыться.

11 Анна

12 марта 1989 года

Она попросила его купить хлеб, кефир и час.

Михаил переспросил. Анна стояла у плиты, Вера лежала в кроватке и кряхтела во сне. На кухонном столе сохли пелёнки, перекинутые через спинку стула.

— Час, — повторила она. — Чтобы я ушла. Куда-нибудь.

Он сказал: «Конечно». Слишком легко. Она уже приготовилась объяснять, что ей тяжело, приводить доводы, которые покажутся убедительными человеку, возвращающемуся домой к ужину. Внезапное согласие выбило её из сил.

Анна переоделась в свою обычную юбку. Пояс не застегнулся. Она надела сверху длинный свитер. Пока причёсывалась, Михаил ходил по комнате с Верой на руках и спрашивал, где лежит чистое, когда кормить, что делать, если проснётся.

— На полке. Через полчаса. Возьмёшь.

— А если не успокоится?

Она уронила расчёску.

— Я тоже не знаю.

Он замолчал. Она увидела, что обидела его, и стала объяснять заново, уже мягче. Потратила на объяснение двадцать минут своего часа.

На улице был холодный ветер. Анна дошла до сквера и села на скамейку. Перед ней прошли две девушки с папками. Из одной торчал лист плотной бумаги. Анна узнала по краю ватман, который сама когда-то покупала поштучно и несла домой, защищая от дождя.

Ей хотелось плакать, но слёзы почему-то не шли. Накануне она плакала над раковиной, когда не смогла отвинтить крышку банки. Здесь, где можно было наконец не скрываться, она просто сидела.

Через двадцать пять минут поднялась и пошла обратно. Боялась, что Вера кричит, что Михаил сердится, что её отсутствие уже превратилось в событие, за которое придётся расплачиваться.

Он открыл дверь с дочерью на плече. Вера спала.

— А ты чего так быстро?

В квартире было тихо. На столе стояли хлеб и кефир. Михаил успел сбегать в магазин, когда приехала его мать, и теперь рассказывал, как они вдвоём справились.

— Гуляй хоть каждый день, — сказал он.

Анна кивнула. На следующий день выйти не удалось: Вера плохо спала. Потом пошёл дождь, потом потребовалось стирать. Она ждала, что он сам скажет: «Сегодня твой час». Он ждал, когда она попросит.

Оба потом помнили, что договорились.

12 Михаил

12 марта 1989 года

Когда Анна сказала, что тоже не знает, Михаил сначала рассердился. Он спрашивал, чтобы сделать правильно. Она разговаривала с ним так, будто он нарочно был беспомощным.

Потом дверь закрылась. Вера лежала у него на руках, и он понял, что дочь не собирается выдавать инструкцию, даже если обратиться к ней вежливо.

Она заплакала через пять минут. Михаил проверил всё, что запомнил. Поменял, покормил, походил. Она продолжала. Ему стало жарко. Он снял свитер и ещё раз обошёл комнату.

Анна делала это каждый день. Он представлял её дни наполненными мелкими понятными делами. Теперь одно такое дело занимало его целиком, и конца ему не было видно.

Он позвонил матери. Та сказала, что сейчас придёт. Пока она ехала, Вера перестала плакать. Просто перестала, уткнувшись носом в его рубашку. Михаил стоял посреди комнаты, боясь пошевелиться.

Вдруг стало понятно, что Анна говорила про неизвестность совершенно буквально. Она не владела тайным языком дочери. Четыре месяца училась, терпела неудачи и снова пробовала. Он принимал её постоянное присутствие за врождённую способность.

Мать вошла со своим ключом. Посмотрела на него, засмеялась тихо:

— Ну вот, ничего страшного.

Она помогла положить Веру. Михаил пошёл в магазин. По дороге решил, что будет брать дочь по вечерам. Обязательно. Час или два, чтобы Анна могла рисовать. У неё ведь стоял стол возле окна, который он сделал из старой двери и двух тумбочек.

Когда Анна вернулась, он рассказал, как дочь уснула. Хотел поделиться открытием, но получилось хвастовство. Сказал: «Нормально мы». Она сняла пальто, взглянула на его мать, взяла пелёнки. На лице у неё снова появилось то закрытое выражение, которое он начал замечать после рождения Веры.

Он подумал, что ей неприятно видеть: без неё справились.

Вечером собирался взять дочь, но та только уснула. Анна сказала, чтобы он не трогал. На другой день он задержался в мастерской. На третий предложил, но жена ответила: «Уже не надо». Ему стало обидно. Всё у неё выходило так, что он неизменно опаздывал.

Годы спустя он вспомнит этот час и поймёт, что договориться о свободе человека мало. Нужно ещё не назначать его ответственным за то, чтобы эта свобода каждый раз состоялась.

Тогда он считал, что предложил достаточно. Вера уснула у него на плече — это был один из самых счастливых его дней. Что день значил для Анны, он так и не спросил.

13 Анна

25 августа 1991 года

В деревне у её матери созрели жёлтые помидоры. Вера называла их яблоками и сердилась, когда взрослые поправляли. Анна ела их прямо над грядкой. Сок капал на босые ноги, и ей было хорошо от того, что не нужно сразу вытирать.

Михаил приехал на воскресенье. Они с Верой встречали автобус у магазина. Дочь увидела отца раньше и бросилась к нему так быстро, что с ноги слетела сандалия. Михаил поднял девочку вместе с непарной обувью.

После обеда мать уложила Веру спать. Анна вынесла во двор бумагу и краски. Хотела нарисовать дом с той стороны, где стена была выкрашена в два оттенка: прошлой весной краски не хватило.

Михаил сел в тени. Он казался усталым. Анна обрадовалась, что может просто быть с ним рядом и ни о чём не разговаривать. Из кухни доносился звон чашек. Над ведром воды садились осы.

— Посиди так, — попросила она.

Он замер, будто его фотографировали на документ. Она засмеялась и сказала, что можно двигаться. Рисовала его боком: рука на колене, голова чуть наклонена. В складках рубашки было что-то домашнее и взрослое, чего ей раньше не удавалось уловить.

— Я старый какой-то, — сказал Михаил, когда она показала лист.

— Тебе двадцать восемь.

— А тут все пятьдесят.

Она подумала, что он шутит. Прислонила рисунок к стене, чтобы высох. Потом поставила на стол хлеб, помидоры и сыр. Они ели втроём с её матерью, Вера ещё спала.

Мама вдруг заговорила о поездке в Ленинград, куда однажды хотела поступать. Анна никогда об этом не слышала. Оказалось, в школе у матери был сильный голос и учительница собиралась её готовить.

— А почему не поехала?

— Да куда. У нас бабка тогда болела.

— Потом?

Мать сдвинула к Михаилу тарелку.

— Потом уже ты была.

В её голосе не было обвинения. Поэтому Анне стало особенно не по себе. Она сидела за столом, будто занимала чьё-то место в поезде, на который человек так и не попал.

Вера проснулась и потребовала яблоко. Ей принесли помидор. Она держала его обеими руками, как чашку, и откусывала осторожно.

Анна смотрела на дочь и пыталась представить, как однажды скажет ей: «Потом была ты». Решила, что никогда. Что успеет и рисовать, и растить. Из окна кухни мать что-то пела, пока мыла посуду. Голос действительно был красивый, только очень тихий.

14 Михаил

25 августа 1991 года

В тот день Михаил должен был быть в другом городе. Павел договорился с людьми, которые собирали аппаратуру для концертных выступлений. Нужен был человек, понимающий звук. Сначала работа на неделю, потом, возможно, постоянно.

Михаил сам напросился. Два месяца разговаривал об этом, показывал схемы, чинил задаром чужой пульт, чтобы о нём вспомнили. Когда ему наконец позвонили, он ответил, что не сможет.

Билетов не купил. Анне не сказал.

Он представлял её лицо, когда сообщит, что собирается ездить по концертам. Она осталась бы дома с Верой, с его матерью, с просроченными платежами за комнату, которую они наконец снимали отдельно. Анна, скорее всего, согласилась бы. Именно это было невыносимо: она могла согласиться, а потом ему пришлось бы нести ответственность за выбор без возможности сослаться на её запрет.

Проще было решить за обоих.

В автобусе он держал на коленях пакет с конфетами. Думал, что взрослый человек должен уметь отказаться. С этой мыслью приехал, и она сделала его мрачным раньше, чем кто-нибудь успел это заметить.

Анна рисовала его во дворе. Ему было стыдно сидеть без дела. Он предложил поправить дверцу сарая, но она попросила остаться. Он послушался и считал минуты.

На рисунке он получился усталым. Она смотрела на него внимательно, почти нежно, а увидела человека, которому хотелось исчезнуть с этого стула. Михаил испугался, что она всё поняла.

— Старый какой-то, — сказал он.

Анна засмеялась. Значит, не поняла.

За столом её мать говорила о своём пении. Михаил слушал особенно внимательно. Его поразило, что женщина может спокойно рассказывать об отказе, который определил всю её жизнь. Может, через двадцать лет и он сможет сказать про концертную работу без этого комка в горле. Даже посмеётся: дурак был, чего только не хотел.

Но когда мать произнесла «потом уже ты была», Анна изменилась в лице. Михаил заметил это. Хотел сказать, что никто не виноват. Промолчал, потому что тогда пришлось бы объяснить, отчего он вообще вмешивается.

Обратно уезжал один. Анна с Верой оставались ещё на неделю. У окна автобуса он смотрел, как жена держит дочь за руку. Вера махала свободной ладонью. Анна подняла руку позднее, словно только тогда вспомнила, что тоже можно.

Он положил голову на стекло. Всё было сделано правильно. Ехать в этом автобусе всё равно не хотелось.

Позже он не раз думал, что Анна отняла у него музыку. В первое время ещё помнил: она даже не знала, что её обвиняют.

15 Анна

19 мая 1993 года

Михаил пришёл домой среди дня. Анна спросила, не заболел ли он. Он положил на стол сумку, сел, не разуваясь.

— Мастерскую закрывают.

Она стояла с мокрой тарелкой в руках. Сначала подумала о деньгах. Тут же устыдилась и спросила, что случилось. Он рассказал про помещение, долги, про начальника, который до последнего уверял, что всё образуется.

Анна слушала, а сама считала: в кошельке семь купюр, у матери занято ещё до зарплаты, Вере нужны туфли. Вера носила их так, будто каждый день ходила пешком в соседний город.

— Найдёшь, — сказала она.

Михаил поднял на неё взгляд.

— Я ещё не начал искать.

Она поняла, что сказала что-то не то. Села рядом. Он отодвинул сумку с инструментами, освобождая ей место, хотя на соседнем стуле и без того было пусто.

Весь день они почти не разговаривали. Михаил разобрал розетку, которая давно шаталась. Потом почистил газовую горелку. К вечеру квартира была полна мелких исправлений.

К вечеру приехала мать, привезла из деревни яйца. Пока Михаил занимался горелкой, Анна пошла с ней за Верой. Не собиралась ничего говорить. Но мать увидела лицо, стала расспрашивать. На остановке достала из сумки полотняный мешочек. Там лежали деньги, отложенные на лечение зубов.

— Возьми. Мне не к спеху.

Анна взяла половину. Всю дорогу домой чувствовала во рту чужую боль, как будто отсутствие зубов уже передавалось ей вместе с деньгами.

Михаилу сказала, что на работе выдали премию. Он не стал уточнять. Она испытала облегчение и обиду одновременно: мог бы знать, какие премии бывают в библиотеке.

Вечером Вера попросила нарисовать им дом. Села между ними, положила перед Анной лист. Михаил придерживал бумагу. Анна рисовала окна, дверь, трубу. Вера потребовала собаку. Собаку они завести не могли, но на рисунке смогли.

Когда дочь уснула, Михаил лёг рядом с Анной и прижался лбом к её плечу. Впервые за день позволил себе ничего не чинить.

Анна гладила его волосы и думала, что теперь должна быть сильной. Никто её не назначал. Она сама заняла это место так быстро, что потом не смогла вспомнить, когда согласилась на него.

Деньги матери они возвращали пять месяцев. Михаил считал, что Анна отправляет ей помощь. Иногда говорил: «Правильно. Надо своих поддерживать». Она кивала и продолжала не рассказывать.

16 Михаил

19 мая 1993 года

Начальник попросил забрать личный инструмент до пятницы. Оборудование опишут, помещение закроют. Михаил хотел спросить, что ему делать в понедельник, но вопрос показался унизительным. Никто из остальных тоже не спросил.

На улице было слишком светло для человека, которого только что перестали ждать на работе. Он стоял возле мастерской, смотрел на автобусную остановку. Можно было пойти к Павлу. Можно было выпить. Он пошёл домой, рассчитывая, что там разрешат немного посидеть, прежде чем придётся становиться другим человеком.

Анна сказала: «Найдёшь». Он услышал приказ. Не сейчас, конечно, но скоро: ты обязан найти, мы не можем позволить тебе быть растерянным.

Он рассердился. Жена работала в библиотеке за небольшие деньги, а искать должен он. Её занятие могло оставаться любовью к книгам, его работа обязана была покрывать всё остальное. Он не проговорил эту обиду, потому что в ней было слишком много неприятного о нём самом.

Весь день чинил квартиру. Руки не знали, что он потерял место. Им достаточно было провода, винта, трещины. После каждого исправления хотелось позвать Анну и показать: я ещё нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.